

ВЛАДИМИР КУЦЕНКО, ГРИГОРИЙ НОВИКОВ

СОКРОВИЩА РЕСПУБЛИКИ

Печать оказалась цела...

Ранним холодным утром февраля 1918 года во дворе Московского Кремля появилась небольшая группа людей. Впереди выступал сухощавый старик с узкой седой бородкой. Дорогая черная ряса и покрытый шелком клобук свидетельствовали о его высоком духовном сане. Это был архимандрит Арсений — хранитель знаменитой патриаршей ризницы.

Шагах в тридцати от колокольни Ивана Великого Арсений остановился.

— Обождем здесь, — сказал он. — Сейчас придет разводящий. За ним уже пошли...

Во время октябрьских боев некоторые кремлевские здания пострадали от обстрела. Поместный собор принял решение произвести ремонт церковных зданий, начав с помещений патриаршей ризницы. Туда-то и направлялась группа мастеров с подрядчиком и хранителем ризницы.

Увидев разводящего, часовой сделал шаг в сторону. Сопровождавший архимандрита келейник почтительно склонился, принимая из рук Арсения связку ключей. Щелкнул замок, со скрипом отворилась массивная дверь. Освещая путь свечами, процессия поднялась на третий этаж колокольни и остановилась у окованной железом двери. Арсений внимательно осмотрел большую сургучную печать, обернулся.

— Открывай, — приказал келейнику.

Когда дверь распахнулась, он первым шагнул за порог, да так и застыл на месте. Поднял свечу над головой и, теряя силы, прислонился к стене. На полу валялись растерзанные ризы, ободранные митры, сплюснутая металлическая чаша. Из соседней комнаты слабо струился дневной свет. Едва передвигая налившиеся свинцовой тяжестью ноги, Арсений направился туда. За ним последовали остальные.

Ризничный стоял с окаменелым лицом, не в силах вымолвить ни слова. Он представил разгневанное лицо патриарха Тихона, укору членов Поместного собора и содрогнулся. Сквозь выломанную оконную решетку в комнату, кружась, залетали снежинки. Ни у кого не оставалось сомнения: в патриаршей ризнице побывали воры.

...Над городом сгущались ранние зимние сумерки. В нетопленном кабинете комиссара Военно-революционного комитета по гражданским делам Москвы Рогова разговаривали трое. На них лежали обязанность вести борьбу с уголовными элементами и обеспечение в Москве революционного порядка.

Задача была не из легких. Горстке голодных, полураздетых, плохо вооруженных сотрудников милиции, не имевших ни нужных знаний, ни опыта работы, противостояли опасные уголовные преступники, организованные в банды. В марте 1917 года по указанию Керенского, бывшего в то время министром юстиции буржуазного Временного правительства, из тюрем Москвы и Московской губернии было освобождено более трех тысяч уголовников. Они совершали дерзкие вооруженные налеты на банки, учреждения и организации, грабили частных лиц, не останавливаясь перед убийством сотрудников ВЧК и милиции. И вот теперь еще одно дерзкое преступление.

— Это же кощунство! Омерзительнейший акт вандализма! — с неподдельным возмущением говорил, расхаживая по кабинету, начальник уголовно-розыскной милиции Маршалк, еще находившийся под впечатлением осмотра места происшествия в Кремле, откуда он только прибыл.

Маршалк, имевший за плечами годы работы в сыском отделении, был озадачен. И в то же время где-то в глубине души росло чувство злорадства.

Он, Маршалк, знавший розыскное дело назубок, теперь, при Советах, был вынужден довольствоваться второстепенной ролью. Правда, официально, как и прежде, его именовали начальником. Но какой уж тут начальник, если даже приказы подписывал не он, а комиссар уголовно-розыскной милиции Розенталь! Маршалк был уверен, что находившиеся сейчас перед ним люди, без году неделя возглавившие розыскное дело в таком многонаселенном городе, как Москва, в конце концов будут вынуждены признать свою несостоятельность, прийти к нему с поклоном. Чтобы приблизить этот желанный час, он не будет особенно усердствовать в службе. Пусть товарищи большевики сами убедятся, что раскрывать преступления — это не из винтовок палить. Тут есть свои особенности, постичь которые не так-то просто. И без него, признанного специалиста, им не обойтись ни сегодня, ни завтра, ни в более отдаленном будущем. Если, конечно, оно вообще когда-либо будет у Советов. В этом Маршалк уверен не был.

— Какие же окончательные выводы о путях проникновения преступников или преступника в хранилище? — прервал его размышления Рогов.

— Осмотр места происшествия вынудил нас отказаться от первоначальной версии о том, что в ризницу проник путем подбора ключа кто-либо из лиц, имевших туда доступ, — сказал Маршалк. — Мы полагали, что взлом ставни и решетки — обычная инсценировка, рассчитанная на то, чтобы направить расследование по ложному пути. Теперь же, после тщательного осмотра, есть все

основания утверждать, что похитители проникли в хранилище через окно. Об этом свидетельствуют как следы ног на выступах внешней стены, так и то обстоятельство, что распилы на решетке, которые идут сверху вниз, сделаны снаружи.

— Вам удалось установить, когда была совершена кража? — спросил Розенталь.

— Лишь приблизительно. Следы ног на выступах внешней стены занесены снегом. Последний раз снег шел десять дней назад. По всей вероятности, преступники побывали в ризнице в конце января или в начале февраля. Относительная давность значительно затруднит работу. К тому же злоумышленники, видимо, действовали в перчатках. Лишь на сплюснутой металлической чаше обнаружены следы пальцев. Но сверка по картотеке ничего не дала. Видимо, в числе воров был человек, который до этого не попадал в наше поле зрения.

— И тем не менее мы должны найти их, — ударил ладонью по столу Рогов. — Кстати, вы несколько раз говорили о преступниках во множественном числе. Это что, предположение или обоснованный вывод?

— Вещественные доказательства говорят о том, что в ризнице побывало не менее двух человек.

— У вас есть кто-либо на примете? — снова спросил Розенталь.

Маршалк развел руками:

— Определенно — никого. На всякий случай мы арестовали мастеров-реставраторов. Но допрос их не дал пока нужных результатов.

— Арестовали? На всякий случай? Не имея для этого никаких оснований? — нахмурил брови Рогов. — Пора, Карл Петрович, кончать с подобными методами в работе. Арестованных немедленно освободите и извинитесь перед ними. Сделайте это вместе с комиссаром Розенталем. И рекомендую твердо усвоить, что любое допущенное нами беззаконие наносит вред Советской власти.

— Слушаюсь, — не скрывая раздражения, проговорил Маршалк. — Но я полагал, Михаил Иванович, что, поскольку речь идет о краже таких ценностей, нам не следует быть особенно щепетильными.

— Еще раз хочу напомнить, что любому нарушению революционной законности нет и ее может быть никакого оправдания, — жестко сказал Рогов. — Кстати, что говорят специалисты о размере причиненного ущерба?

— По этому поводу в среде духовенства существуют самые различные суждения. Одни называют сумму 30 миллионов рублей, другие, в том числе и архимандрит Арсений, — три миллиона и даже чуть меньше.

— Неслыханная беспечность! — с возмущением воскликнул Розенталь. — Ризница находилась в ведении Поместного собора, руководители которого не только отнеслись к хранению ценнейших творений русского искусства спустя рукава, но даже не удосужились вести учет!

Маршалк пожал плечами и сел в кресло напротив Розенталя. Нет, пожалуй, рано он размечтался о своем триумфе. Не такие уж эти двое простаки в сыском деле. Рогов — рабочий, давно в партии, в свое время весьма успешно скрывался от охраны. И в кресле гражданского комиссара Москвы чувствует себя весьма

уверенно. Взгляд из-под круглых очков в железной оправе цепкий, пронизывающий. Да и этот латыш — комиссар уголовно-розыскной милиции — не производит впечатления неопытного новичка.

— Что предлагает начальник милиции? — взглянул на него Рогов.

— Видите ли, Михаил Иванович, — замялся Маршалк. — Для раскрытия особо опасных преступлений, к числу которых позволю себе отнести и кражу из ризницы, раньше было принято выделять группу наиболее опытных сотрудников уголовного сыска с освобождением их от иных поручений. Но где я возьму таких работников?! В январе вы подписали приказ об увольнении всех лиц, служивших ранее в полиции. Кстати, до сих пор удивляюсь, почему я сам не оказался в их числе. Ведь и я служил при царе, даже возглавлял, как это вам известно, сыскное отделение.

Рогов снял очки, не спеша протер стекла.

— Сожалеть о том, что мы избавились от царских прислужников, не следует, — сказал он спокойно. — До последнего дня они считали себя верноподданными, и рассчитывать на их добросовестное служение Советской власти не приходилось. Вы же лично не раз подчеркивали свое лояльное отношение к нам. К тому же вы обладаете огромным практическим опытом борьбы с уголовщиной, отлично знаете преступный мир. Словом, мы полагаем, что как специалист своего дела вы будете нам полезны.

— Благодарю за откровенность и высокое мнение о моих скромных способностях, — наклонил голову Маршалк. — Значит, вы не отрицаете, что розыск и разоблачение преступника — это своего рода искусство. И, как всякое искусство, требует от своих служителей призвания, если хотите, даже таланта.

— Целиком с этим согласен. И мы видим свою задачу в том, чтобы создать кадры действительно опытных и преданных Советской власти специалистов.

— Ну, знаете ли, пока что это лишь ваши мечты, иллюзии. А с кем прикажете работать сегодня? Да и в дальнейшем. Неужели вы всерьез полагаете, что можете создать кадры специалистов розыскного дела из, гм, извините за откровенность, полуграмотных мастеровых, матросов и красногвардейцев?

— Именно из них, — это Рогов сказал так убежденно, что Маршалк даже вздрогнул. — Из простых рабочих, красногвардейцев, солдат, из всех тех, кто кровно связан со своим народом.

— Хотя дискуссия и полезна, — поднялся Розенталь, — но мне кажется, что мы несколько отвлеклись от основного вопроса. Я думаю, нам следует принять предложение Карла Петровича и выделить группу сотрудников, которой и поручим розыск злоумышленников, совершивших ограбление ризницы.

— Не вижу, кому это можно доверить, — нервно ходя по кабинету, отозвался Маршалк. — Или вы хотите, чтобы этим занялся лично я?

— Зачем же так, Карл Петрович, — мягко ответил Розенталь. — У вас и других забот немало. Людей подберу я, причем сегодня же. В отряде моряков, присланных нам в помощь Центробалтом, есть замечательные ребята, как, впрочем, и среди местных красногвардейцев. Вам останется лишь хорошенько проинструктировать их, ну и, естественно, при необходимости впредь давать нужные советы.

— Да, нелегкое бремя взваливаете вы на мои плечи, — поморщился Маршалк. — В няньку хотите меня превратить, Карл Гертович.

— Думаю, до этого не дойдет. Народ у нас в уголовно-розыскной милиции головастый. Сами по ходу дела поймут, что к чему.

— Районные комиссариаты милиции поставлены в известность о краже и приметах похищенного? — спросил Рогов.

— Да, мы с Карлом Петровичем сделали это сразу же, как только стало известно о происшедшем, — ответил Розенталь. — На поиск воров нацелен весь личный состав.

— Хорошо, — одобрил Рогов. — Да и в другие города разошлите специальный циркуляр.

— И это делается, Михаил Иванович.

— Прекрасно. — Рогов поправил очки и тоже встал. — Хочу еще раз подчеркнуть, — он взглянул на Маршалка, — что дело это имеет большую политическую важность. Наш долг найти и вернуть народу украденные у него сокровища. Я не оговорился: сокровища создал народ, и они по праву принадлежат ему, а не духовенству. В декрете Совета Народных Комиссаров «О свободе совести» четко и ясно сказано, что никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Все имущество их объявляется народным достоянием. И еще: не нужно быть оракулом, чтобы предсказать, какой шум поднимут завтра писаки из «Русских ведомостей», «Нового слова», «Раннего утра» и им подобных изданий вокруг этого происшествия. Они-то постараются обвинить в случившемся большевиков.

Рогов взглянул на часы:

— Ну, не буду больше вас задерживать. Всего хорошего. А я сейчас на заседание президиума Моссовета. Вопрос о краже из ризницы включен в повестку дня.

Простившись с гражданским комиссаром, Маршалк и Розенталь вышли на улицу. Уже совсем стемнело.

— Давай, Васильевич, в Знаменский, — садясь с Маршалком в поджидавший у подъезда автомобиль, сказал шоферу Розенталь.

Трое из уголовного розыска

Рогов как в воду глядел, предсказывая реакцию на кражу из ризницы различных буржуазных изданий. Утром следующего дня быstroногие мальчишки, сгибаясь под тяжестью полных сумок, шумели на площадях и главных улицах Москвы громче обычного. Москвичи давно привыкли к сообщениям о вооруженных налетах, грабежах и убийствах, которыми буржуазные газеты изо дня в день пичкали своих читателей, но то, что выкрикивали сегодня разносчики газет, не могло не насторожить даже самых равнодушных.

— Разгром патриаршей ризницы!

— Россия лишилась своих древних сокровищ!

— Советы в смятении!

Да, это была настоящая сенсация. Газеты расхватывались и тут же, на улице,

жадно читались. Многие читали вслух. Вокруг таких мгновенно возникали группки слушателей. И конечно, недостатка в комментариях прочитанного не было.

— Одну минуточку, господа, одну минуточку! — восклицал высокий и худой, слегка сторбленный чиновник в форменной шинели почтового ведомства. — Сейчас, сейчас, ишу самое главное, — с лихорадочной поспешностью проглядывал он «Русские ведомости». — Ах, да, вот оно: «В советских кругах, прикосновенных к Кремлевскому управлению, разгром ризницы вызвал большое смятение». Вы понимаете — большое смятение! — повторил чиновник, подняв для большей убедительности большой палец.

— Может, из них же кто и причастен, прости меня, господи? — перекрестился стоявший рядом монах. — Раз бога не признают, супостаты, значит, и на господнее имущество могли польститься.

— Даже вполне такое может быть, — поддакнул толстяк в суконной поддевке. — Комиссаровым женкам украшения спонадобились. Ну и... — Оглянувшись, он увидел, что шедшие мимо рослый, плечистый матрос с деревянной коробкой маузера на боку и молодой парень, по виду из гимназистов, при его последних словах сбавили шаг.

— ЧК! — шепнул толстяк и поспешил выбраться из толпы.

Заторопились в разные стороны и остальные.

— Ну и сволочи! — в сердцах сплюнул моряк, глядя в быстро удалявшиеся спины.

— Правильно вчера комиссар говорил, — сказал его спутник, — злорадствовать будет обыватель и всякая контра, большевиков во всем обвинят. Жаль, Корней, что ни тебя, ни Ивана на оперативном совещании не было.

— Так мы же с хлопцами банду Кольки Французова брали, — ускоряя шаг, пояснил матрос. — Вот тип, в четырнадцатом году его осудили за 15 убийств и 30 грабежей. Дали двадцать лет каторги. Керенский его пожалел, выпустил из тюрьмы, и он снова за старое взялся. Отстреливался, гад! Милиционера одного ранил. Ну, мы двоих его дружков положили, остальные сдались... А что, на оперативке интересно было?

— Маршалк рассказал о результатах осмотра колокольни, назвал приметы некоторых украденных вещей и велел заходить в ювелирные магазины и мастерские, на рынках смотреть, расспрашивать швейцаров и другой персонал ресторанов и гостиниц.

— Ишь ты! — сказал матрос. — Все это мы и без него уже знаем. Потом что было?

— Карл Гертович выступил. Огромной, говорит, политической важности задача перед всеми нами стоит. Преступники замахнулись на авторитет молодой Советской власти, в том числе нашей пролетарской милиции, в интересах и на радость внутренней контрреволюции и мировой буржуазии. Хотя и сам факт кражи нам никак нельзя не принимать во внимание, потому что уж очень большую ценность имеют, для народа те сокровища, в которые древние русские умельцы вложили, может, всю душу. Ну и высказал наш комиссар надежду, что преступников мы непременно разыщем.

— Ясен курс.

— Комиссар сказал, что ты — Корней Орлов, Иван Нефедов и я освобождаемся от всяких других дел и перебрасываемся на розыск уворованного из ризницы. Ну и, поскольку ни тебя, ни Нефедова вчера при этом не было, поручил мне ввести вас в полный курс дела.

— Выходит, Александр Петрович Ковалев, вы у нас сегодня за начальство будете, — улыбнулся матрос.

— Выходит, — в тон ему ответил товарищ.

Александр Ковалев, которого за молодость и застенчивую улыбку звали в уголовно-розыскной милиции не иначе как Сашей, с головой окунулся в водоворот бурного семнадцатого года. Коренной москвич, сын кадрового слесаря, он заканчивал гимназию, когда произошла Февральская революция. Вместе с товарищами отца — рабочими депо выбивал на Тверском из здания градоначальника юнкеров, был ранен — пришлось полежать в госпитале. Там он и увидел впервые комиссара Розенталя. Тот пришел навестить раненых, а заодно поискать охотников на службу в милицию. Оправившись от ран, Ковалев разыскал в 3-м Знаменском переулке дом, в котором размещалась уголовно-розыскная милиция, и с того дня накрепко связал с ней свою дальнейшую судьбу.

Здесь он встретил Ивана Нефедова, работавшего до милиции помощником машиниста на Рязано-Уральской железной дороге. Тот был на несколько лет старше Александра. В декабре семнадцатого они сдружились с Корнеем Орловым, прибывшим в Москву из Петрограда, как он любил говорить, по личному указанию Владимира Ильича Ленина. В данном случае Орлов несколько не преувеличивал. Узнав о разгуле бандитских шаяк в Москве, Владимир Ильич попросил Центробалт помочь московской милиции навести в городе порядок. Балтийцы снарядили отряд моряков, который влился в Московский уголовный розыск...

Через несколько минут друзья скрылись за дверью широко известного в то время в Москве здания по 3-му Знаменскому переулку. Иван Нефедов уже был на месте.

— Вот что, друзья, запомните, какие вещи нам искать надо. — Ковалев развернул бумажку и начал читать: — Покров на гробницу царя Михаила Федоровича из красного бархата с восьмиконечным крестом. Кайма из зеленого бархата, расшитая жемчугом. Осыпанная бриллиантами ладаница. Мстиславова евангелие XII века. Евангелие 1648 года в золотом окладе весом более пуда, украшенное бриллиантами. Царский, времен Иоанна Грозного, золотой наперсный крест. Золотые сосуды, чаши, блюда. Изумруды величиной с голубиное яйцо, цейлонские сапфиры, много жемчуга. Еще не все подсчитано. Но уже наверняка можно сказать, что унесено несколько пудов ценностей.

— Как же они сумели все это вынести? — спросил Нефедов. — А что, часовой ничего не слышал?

— Часовой-то стоял у входных дверей. А воры забрались с другой стороны, через окно второго яруса Филаретовой пристройки, которая выходит в закуток между царь-колоколом и столбом Бориса Годунова, — пояснил Ковалев. — Маршалк говорил, что, по всей вероятности, грабители несколько раз в ризницу

поднимались, складывали добро в мешки, которые прятали потом в Кремлевской стене... Да, вспомнил еще: в ризнице найден солдатский погон пехотного полка, в котором служили амнистированные Керенским преступники. Так что и этими солдатами придется поинтересоваться.

— Понятно, — сказал Нефедов. — С чего начинать будем?

— Комиссар вчера приказал утром к нему зайти, — ответил Ковалев. — Хочет кое-что посоветовать. Да и в дальнейшем, надо полагать, по этому делу нам придется с ним работать.

Комиссар Розенталь был на месте. Точнее, со вчерашнего вечера он никуда не выходил из своего кабинета. После оперативного совещания, которое они проводили вместе с начальником уголовно-розыскной милиции, Карл Гертович обзвонил все милицейские комиссариаты города, еще раз напомнил о необходимости уделить поискам воров самое серьезное внимание. Если на другом конце провода интересовались стоимостью похищенного, комиссар отвечал:

— Я могу назвать баснословную сумму. Но и она будет ничтожно мала, если учесть, что эти сокровища — сама история русского народа, история его культуры, искусства. Согласитесь, что мы должны придерживаться именно этой, а не какой-либо иной точки зрения.

В дверь постучали. Увидев сотрудников уголовно-розыскной милиции, Розенталь пошел им навстречу:

— Вот теперь все в сборе. Располагайтесь. — Выждав, пока ребята расселись вокруг стола, комиссар сел сам и заговорил: — Зачем я пригласил вас, Ковалев, надеюсь, уже сказал. Посему повторяться не буду. Скажу только, что задача, которую нам предстоит решить, не из легких. Потрудиться придется изрядно. Возможны срывы, неудачи. Короче, запаситесь терпением, если хотите, мужеством, чтобы не растеряться, не спасовать. Поиск воров начат. Но не обольщайтесь этим. Ваша задача — установить их и задержать. Мы уже поручили сотрудникам регистрационного бюро Бояру и Саушкину подумать, как и чем они вам могут помочь. А почему вы скривились, Нефедов?

— Карл Гертович, — встал Иван, — разве вы не знаете, что Бояр и Саушкин служили в бюро и при царе?

— Как я посмотрю, вы готовы всех, кто находился на службе в царское время, незамедлительно зачислить в разряд врагов революции, — улыбнулся Розенталь. — Так нельзя. Если человек приходит к нам с открытой душой, его надо принять, дать ему возможность послужить революции своими знаниями, годами накопленным опытом. Специалисты нам очень нужны. Тем более если они, вроде Бояра и Саушкина, преданы своему делу и честно трудятся. — Комиссар посмотрел на Нефедова, затем на Ковалева. Спросил: — В феврале семнадцатого оба были в Москве?

— В Москве.

— Тогда должны знать, что в то время всех преступников по приказу Керенского выпустили из тюрем.

— Помним.

— Так вот все эти уголовники первым делом бросились к сыскным отделениям, чтобы уничтожить свои фотоснимки и регистрационные карточки.

Сыщики и охрана разбежались. А Иван Егорович Бояр и еще несколько сотрудников остались. Бояр рисковал жизнью, но спас архив. Он поступил так потому, что сознавал свой долг перед народом. И мы благодарны ему. С помощью сохранившихся документов наши товарищи уже разыскали и обезвредили много опасных преступников. — Розенталь прошелся по кабинету. Помолчав, как бы собираясь с мыслями, сказал: — Этот человек обладает феноменальной зрительной памятью. Даже через несколько лет он может узнать человека, которого видел в жизни один-единственный раз. И у его коллеги Владимира Матвеевича Саушкина такая же исключительная способность запоминать лица, фамилии и даты. Эти-то люди и помогут вам. Завтра утром вы к ним зайдите. Но искать похищенное надо и в ювелирных магазинах, и в разных, как вы говорите, злых местах.

— Скопом ходить не к чему, — заметил Нефедов. — Давайте распределимся, кто куда. Я — на Петровку, в магазин «Мюр и Мерилиз». У меня там есть кое-что на примете. Потом загляну в галерею Лемерсье на аукцион художественных вещей.

— А ты, Корней? — спросил Ковалев. — В Верхних торговых рядах бывал?

— Это те, что на Красной площади? Раза два мимо проходил, но туда же заглядывал.

— А не мешало бы, — посоветовал Нефедов. — Только одних магазинов там более тысячи.

— Сразу же иди на второй этаж, — сказал Ковалев. — Там ювелирные магазины Вишнякова, Шера, Глазунова, Самошина и других. А на третьем — больше ювелирные мастерские. Ну а я загляну в гостиницы, рестораны и кафе. В кафе «Бристоль» на Неглинной каких-то подозрительных типов видели — деньгами сорили направо и налево. Да и в «Бон-Вилле» на Тверской побывать надо.

Жемчуг из ризницы

В тот самый момент, когда трое сотрудников уголовно-розыскной милиции разошлись по городу в поисках следов злоумышленников, обворовавших ризницу, мистер Джон Брэдли еще нежился в постели.

Подданный английской короны поселился в России задолго до первой империалистической войны. Его ни на минуту не покидала мечта о возможности разбогатеть, вернуться на родину солидным, состоятельным дельцом. И Джон ухищрялся совмещать свои занятия в конторе английской фирмы с поисками постоянно мерещившихся ему сокровищ.

Молодого англичанина нередко можно было видеть в ювелирных магазинах, а по вечерам — в третьеразрядных кафе и ресторанах. Их владельцы хорошо знали этого иностранца и нередко сбывали ему кое-какие безделушки из благородных металлов. Конечно, Джону не хуже самих продавцов было известно, какими путями приплыли к ним эти вещички. Но он не относился к числу щепетильных людей. Иногда Брэдли сам производил такие покупки у всяких подозрительных субъектов. Это обходилось ему значительно дешевле. Вот почему он старался не

упустить случая, чтобы обойтись без посредничества перекупщиков. Со временем Джон мог поздравить себя с тем, что его капитал составил уже довольно-таки кругленькую сумму. Но власть в России захватили Советы, и Джон впервые за последние годы растерялся. Сотрудники милиции не скупилась на облавы, а мистер Брэдли был не только предприимчивым, но и весьма осторожным человеком. Попасть в облаву вместе с завсегдатаями какого-нибудь сомнительного заведения и объясняться потом, как и почему он оказался в этом злачном месте, никак не входило в его расчеты. Все чаще и чаще появлялось желание навсегда проститься со страной, погубившей его мечту.

Вчера вечером это желание приняло форму четко выраженного решения. Именно вчера Брэдли стало известно, что большевики обязали всех лиц, имеющих золото в слитках, пластинках, а также в другом виде, сдавать его в Госбанк и оттуда уже брать для переработки в изделия. Разве можно предугадать, что заблагорассудится Советам завтра? Как бы не лишиться всего, что он накопил за годы пребывания в России! Пугало еще и то, что отъезд его соотечественников из Москвы на родину, начавшийся еще в ноябре прошлого года, близился к завершению. Как бы, чего доброго, не остаться одному в этой большевистской России! Решено, он сегодня же начнет оформлять документы на выезд.

Спустив ноги на пол и сунув их в мягкие комнатные туфли, Джон позвонил. Ровно через минуту в дверях вырос половой с бокалом горячей воды на подносе и пачкой свежих газет.

— Доброе утро, сударь, — приветствовал он Брэдли. — Как вам спалось?

— Благодарю, Петр, — ответил англичанин, подходя к туалетному столику. — Насыпав в чашку мыльного порошка и взбивая кисточкой пену, англичанин спросил: — Что сегодня интересного в газетах, Петр?

— Есть новости, сударь, — проговорил половой.

— Надеюсь, Петр, более интересные, чем вчера?

— С вашего позволения, сударь, газеты сообщают о разгроме патриаршей ризницы в Кремле. Воры унесли сокровищ на несколько миллионов рублей.

— Ты, наверное, что-то напутал, Петр, — сказал Джон, чувствуя, как под толстым слоем мыльной пены его лицо бледнеет. — Обыкновенные воры и — на несколько миллионов?

— Да, сударь. Начаты их поиски. Извольте сами взглянуть. — И половой протянул Джону газету. Тот быстро пробежал сообщение и уставился остановившимся взглядом в окно.

О богатствах патриаршей ризницы Джон читал еще на родине, готовясь к поездке в Россию. Слышал он и о безуспешных попытках американцев приобрести некоторые хранившиеся там драгоценности. И вот теперь сокровища находятся у людей, с которыми он, Джон, несомненно найдет общий язык, как не раз находил в прошлом. Надо лишь поскорее разыскать их. И обойтись без посредников. Те, кто завладел богатствами ризницы, конечно же не знают их подлинной цены. К тому же эти люди будут стремиться поскорее избавиться от них, и он сможет приобрести все за бесценок.

Джон вскочил со стула, так и не приступив к бритью, чем немало удивил полового. Через какие-то считанные минуты он уже шел по улице, на ходу

застегивая пуговицы пальто.

Мистер Брэдли торопился. Судя по сообщениям газет, сокровища были похищены за несколько дней до того, как это обнаружили. Конечно, какую-то часть воры сумели сбыть, но лишь небольшую. Ведь кражу могли обнаружить и на следующий день. Попробуй-ка сунься к кому-нибудь с предложением большой партии драгоценностей! Джон мог заключить любое пари, что до поры до времени сокровища будут находиться в надежном месте. Если ему удастся узнать, кто сбыл хотя бы что-то из похищенного...

Англичанин надеялся, что ему поможет в этом кто-либо из владельцев ювелирных магазинов, и прежде всего Глазунов. Они были давними знакомыми. Джон не раз приобретал у этого ювелира золотые вещицы отнюдь не с витрины. Конечно, рассчитывать на то, что Глазунов вложит в его руки ключ от сокровищ ризницы, не приходилось. Но Джон найдет его и сам. Пусть только владелец магазина предложит ему что-либо с этой нашумевшей кражи.

Вот и Верхние торговые ряды. Брэдли взбежал на второй этаж. Но почему вдруг на дверях магазина Глазунова замок? Что случилось? Стараясь не выдать своего беспокойства, Джон зашел в соседний магазин и, приподняв соболью шапку, вежливо осведомился у его хозяина, господина Шера, о причинах этого доселе небывалого явления. Прежде чем удовлетворить любопытство гостя, который был и его постоянным покупателем, ювелир покосился на входную дверь и, понизив голос до шепота, проговорил:

— Вы немножечко опоздали, мистер Брэдли. Я вам сочувствую.

— Что же случилось, господин Шер? Где я могу увидеть господина Глазунова?

— Вы спрашиваете меня, что случилось? Я скажу вам, что то же самое могло случиться и со мной. И если вы так хотите видеть господина Глазунова, то вы сможете найти его в Знаменском переулке. Он уже там. Но лично я не пожелал бы иметь дело с уголовной милицией.

— Господин Глазунов арестован?

— Я вам этого не говорил. Просто пришел утром матрос из милиции, увидел в магазине жемчуг и пригласил господина Глазунова составить ему компанию по пути в Знаменский переулок. Вас это устраивает?

— Позвольте, но жемчуг бывал в продаже и раньше! И в вашем, и в других магазинах.

— Не нужно путать меня в эту нехорошую историю, — сказал ювелир. — Я никогда не покупал жемчуг, который мог быть в патриаршей ризнице.

— Значит, господин Глазунов...

— О, бога ради! Я ничего не знаю. Лучше спросите об этом его самого. Но не надо быть пророком, чтобы догадаться: если твоей персоной заинтересовалась уголовная милиция, то...

Джон понял, что никто здесь не поможет ему. Верхние торговые ряды уже находились в поле зрения уголовного розыска. Надо было попытаться счастья где-то в ином месте.

Эксперты подтвердили, что обнаруженные в магазине Глазунова 105 золотников жемчуга похищены из патриаршей ризницы. Оставалось установить, каким образом оказался он в Верхних торговых рядах.

По распоряжению Рогова материалы на ювелира Глазунова были переданы в следственную комиссию. Там они попали к следователю Лейсту.

Сын известного в то время московского профессора, Лейст занимался адвокатской практикой еще до революции. Предложение новой власти поступить на службу он принял без энтузиазма. Как и многие представители старой интеллигенции, считал, что дни Советов сочтены. Свое согласие сотрудничать с большевиками оправдывал безвыходностью создавшегося положения: надо было как-то продержаться, выжить.

— К тому же, — доверительно говорил Лейст друзьям, — на этом поприще я имею возможность помогать ближним.

В глубине души Лейст надеялся, что расследование кражи из ризницы не только затянется, но и вообще зайдет в тупик. Это даст определенным органам печати вдоволь пищи для яростных нападок на Советы. В конце концов кампанию в печати можно повести так, что еще больше будут затронуты религиозные чувства верующих. А потом... Конечно, все эти далеко идущие прогнозы Лейст держал при себе.

Ювелира Глазунова Лейст знал давно. Два или три раза тот прибегал к услугам адвоката и благодаря его усердию выигрывал судебные процессы. Допрос Глазунова напоминал беседу двух давно не встречавшихся приятелей, которым было что сообщить друг другу. Лейст записал установочные данные ювелира и его ответ, из которого явствовало, что обнаруженный у него жемчуг приобретен по случаю за 6500 рублей у совершенно незнакомого ему, Глазунову, человека.

Лейст уже собирался дать ювелиру протокол допроса для ознакомления и подписи, как в комнату вошел Розенталь. Чтобы опередить вопросы комиссара и навязать ему свое мнение, следователь взял протокол и безразличным тоном заговорил:

— Обычное дело, Карл Гертович. Владелец магазина купил жемчуг у неизвестного ему лица. Опираясь на свой многолетний опыт работы в юстиции, смею вас заверить, что так поступают все без исключения ювелиры.

Розенталь взял протокол, внимательно прочитал и положил на стол. Затем чиркнул зажигалкой, раскурил трубку, в упор посмотрел на Глазунова.

— Скажите, гражданин Глазунов, как вы расцениваете совершенную в Кремле кражу? — спросил Розенталь.

— Думаю, что кража есть кража, если так вам будет угодно.

— Нет, далеко не так. Краже из патриаршей ризницы мы придаем особое, политическое значение. С этих позиций, — продолжал Розенталь, — мы подходим к каждому, кто не только лично участвовал в преступлении, но и в какой-то мере оказался причастным к нему или пожелал скрыть от следствия известные ему по данному делу факты.

— Клянусь, я не знаю воров! — воскликнул ювелир.

— Охотно вам верю, — спокойно продолжал комиссар. — Я даже допускаю мысль о том, что вы не знали, откуда этот жемчуг.

— Истинный бог, — перекрестился Глазунов, — не знал-с.

— Быть абсолютно в этом уверенным вы могли лишь в том случае, если бы покупали его у хорошо известного вам лица, Ведь это так?

— Да-с, именно так.

— Назовите его.

Глазунов вдруг понял, что проговорился. Он испуганно заморгал глазами, с мольбой взглянул на Лейста. Но тот не мог прийти ему на помощь. Следователь отлично понимал, что они проиграли. Дальнейшим запирательством Глазунов мог лишь усугубить свою вину, да и его подвести под удар.

Как бы прочитав мысли следователя, комиссар сказал:

— Поторопитесь с ответом, гражданин Глазунов. Не вынуждайте нас думать, что вы пытаетесь скрыть человека, замешанного в опасном преступлении.

— Нет, нет! Он не вор. Это вполне порядочный человек. Вы правы — я его очень хорошо знаю. Антиквар Белов. Его торговля на Арбате. Мы часто оказываем друг другу различные услуги. Откуда у него появился этот жемчуг, я не интересовался. Но поймите, не мог же такой человек...

— Хорошо. Занесите эти показания в протокол, — сказал комиссар следователю, выходя из комнаты.

Возвратившись к себе, Розенталь тут же вызвал Александра Ковалева.

— Антикварный магазин Белова знаете? — спросил он.

— Тот, что на Арбате?

— Он самый. Выпиши повестку и отправляйся туда. Нам срочно нужен Белов.

Когда Ковалев вышел, Розенталь сел к столу, задумался. Лейст — опытный юрист. Но почему так формально допросил он Глазунова? Что это, случайность? А может, какая-то заинтересованность в том, чтобы расследование не сдвинулось с места, было признано бесперспективным? Комиссар не принадлежал к числу людей, страдающих излишней подозрительностью, но поведение Лейста его настораживало.

Открылась дверь, в комнату вошел Рогов.

— Ты только полюбуйся, до какой низости способны дойти эти борзописцы! — потрясая зажатыми в руке газетами, с возмущением проговорил он. — Продажные писаки из «Русских ведомостей», «Раннего утра» и иже с ними перепевают на все лады кражу из ризницы, не скупясь при этом на всякого рода грязные измышления. А о том, что Моссовет еще вчера, 13 февраля, то есть немедленно после того, как стало известно о краже, принял специальное решение, — ни единого слова!

— К сожалению, и я не успел с ним ознакомиться, — сказал Розенталь. — Ты был на заседании?

— Был. Постановили принять все необходимые меры к розыску похищенного из патриаршей ризницы, не останавливаясь перед крупными расходами, исчисляемыми в сотни тысяч. Назначить премию за указание местонахождения похищенного и виновников кражи. Наконец, предложить комиссии по расследованию кражи представить доклад о мерах, которые она считает необходимым принять к розыску похищенного, поставив доклад вторым пунктом повестки дня заседания президиума 14 февраля, то есть сегодня.

— Члены комиссии уже знают об этом решении? — спросил Розенталь.

— Знают. Я утром звонил Маршалку и Лейсту. Ну а Малиновский как председатель комиссии по Охране памятников искусства и старины Моссовета

присутствовал на заседании президиума и сегодня будет докладывать там свои предложения по этому вопросу.

Постучав, вошел Лейст.

— Вы просили занести протокол допроса Глазунова. — Он протянул Розенталю исписанные листки бумаги.

— Ну и прекрасно, — сказал Розенталь. — Я думаю, Михаил Иванович, — обратился он к Рогову, — Глазунова следует освободить. Каких-либо оснований подозревать в скупке заведомо краденного у нас нет.

— Согласен, — кивнул Рогов и обратился к Лейсту: — Сделайте это немедленно.

— Слушаюсь! — щелкнул тот каблуками.

— И еще, — взглянул на него Розенталь. — Как только доставят Белова, вы сразу же его допросите. И помните, что ссылка на покупку жемчуга у неизвестных лиц — уловка. Белов тоже не из тех, кто скупает ценности у первого встречного.

— Вы, безусловно, правы. Мне можно идти?

— Да, пожалуйста.

Лейст не успел подойти к двери, как та отворилась и на пороге выросла фигура Ивана Нефедова. Увидев в комнате сразу двух комиссаров, он растерялся, переводя взгляд с одного на другого.

— Что у тебя, товарищ Нефедов? — вывел его из затруднения Розенталь.

— В магазине фирмы «Мюр и Мерилиз», что на Петровке, обнаружено около ста золотников жемчуга. — С этими словами Нефедов положил на стол сверток. — Протокол оформили с участием понятых. Коммерсант Мухин находится в коридоре.

— Веди его сюда, — распорядился Розенталь.

Нефедов ввел в комнату средних лет мужчину в подбитой лисьим мехом бекеше. Сняв шапку, тот обвел присутствующих настороженным взглядом слегка прищуренных глаз.

— Здравствуйте. За что меня взяли? — спросил он.

Розенталь молча смотрел на стоявшего перед ним человека в бекеше. Спрашивает, за что взяли. В самом деле не знает или решил прикинуться?

— Садитесь, — сказал он, указывая глазами на стул. — Для начала давайте познакомимся. Розенталь Карл Гертович. Комиссар уголовно-розыскной милиции. Это — мои коллеги. Назовите себя, род занятий, место жительства. — Записав ответы, комиссар продолжал: — А пригласили мы вас к себе, Карп Григорьевич, чтобы вы помогли нам в одном очень серьезном деле. Для этого вы должны быть с нами откровенны.

— Спрашивайте. Ничего не утаю.

То, что сообщил коммерсант, не обнадеживало. По его словам, на прошлой неделе к нему в магазин пришла молодая высокая смуглая женщина. Над верхней губой слева небольшая родинка. Одета в дубленый полушубок. За руку держала мальчугана лет пяти-шести.

Со слезами на глазах рассказала довольно печальную историю. Живет где-то на Урале. Приехала в Москву к тяжело больному мужу. В живых не застала. Без нее похоронили. Денег — ни копейки, а путь предстоит дальний. В больнице ей

отдали документы мужа и немного жемчуга. Видно, в подарок хотел домой привезти. Запросила за него сравнительно недорого. Пожалел ее, уплатил за сто золотников пять тысяч рублей. На том и расстались. О краже в Кремле ничего тогда не знал. Так что никакого подозрения насчет жемчуга не возникало.

Создавалось впечатление, что Мухин говорит правду. Иван Нефедов и Корней Орлов, выписав адреса больниц, ринулись по городу в поисках той из них, где выдали неизвестной женщине принадлежавший покойному мужу жемчуг. В Знаменском переулке оба появились лишь к вечеру — усталые, голодные и злые. В какую больницу ни обращались, всюду слышали один ответ: «Нет, у нас такого не было».

— Вот чертова баба! — ругался Корней. — Не иначе, из той шайки, которую мы ищем!

К такому мнению пришли и руководители уголовно-розыскной милиции. Циркуляр с подробным описанием примет женщины, продавшей в Москве жемчуг, был разослан во многие города.

В отличие от Глазунова, пытавшегося поначалу скрыть от следствия источник приобретения жемчуга, антиквар Белов на первом же допросе заявил, что человек, у которого он совершил покупку, хорошо известен не только ему, но и многим владельцам ювелирных магазинов.

— Фамилией не интересовался, а зовут Соломоном Ароновичем, — сказал Белов, — Мелкий коммерсант. Постоянно в кофейной Филиппова околачивается. Там его и найдете.

Антиквар оказался прав. При обыске у Соломона Ароновича нашли три фиктивных паспорта и двадцать золотых монет царской чеканки. Задержанный и не собирався отрицать факта продажи Белову жемчуга, утверждая при этом, что купил его у Петра Александровича в кафе «Централь».

Однако выяснить необходимые данные о личности таинственного Петра Александровича так и не удалось. Расследование зашло в тупик.

Не прекращал розыска и Джон Брэдли. Из Верхних торговых рядов он направился в редакцию газеты «Утро России». Там работал его новый знакомый Семен Пищиков, репортер раздела уголовной и судебной хроники. Его статьи появлялись в газете за подписью Семиона Бравого. Ни одно происшествие в городе не проходило мимо внимания Пищикова. Джон познакомился с ним случайно. В поисках какой-либо вещицы из благородного металла он забрел как-то в трактир Пурышева на углу Ленивки и Лебяжьего переулка. За одним столом с ним оказался бойкий, неопределенного возраста человек в сильно измятом поношенном костюме и в засаленном галстуке. Он поминутно вскакивал, присаживался то к одному, то к другому столику, о чем-то шептался с посетителями и снова возвращался доедать свой обед. Вскоре выяснилось, что у него не хватает какой-то мелочи, чтобы уплатить за обед.

Джон решил тогда, что вовсе не плохо иметь в числе знакомых этого, как он безошибочно определил, разбитного газетчика. Не говоря ни слова, он достал из портмоне недостающую для расчета сумму и протянул незнакомцу.

— О, я весьма благодарен вам! — воскликнул тот. — Представляете, как торопился, что не заглянул в кошелек. Такая неприятность. Я вижу, вы не

москвич. Даже иностранец, хотя и в совершенстве владеете русским. Где вы остановились? Я сегодня же, в крайнем случае завтра с благодарностью занесу вам долг. Всегда буду счастлив оказать вам услугу. Вот моя визитная карточка.

Конечно, Джон вовсе не рассчитывал на то, что когда-либо сможет получить долг. Но визитную карточку Семена Яковлевича Пищикова взял.

И вот теперь Брэдли решил, что именно Пищикова сможет помочь ему. Репортер заканчивал очередной репортаж с места происшествия, когда увидел англичанина. Первым желанием Пищикова было немедленно улизнуть. Но незванный гость его заметил и, приветливо улыбаясь, протягивал руку:

— О, господин Пищикова! Как у вас говорят, сколько лет, сколько зим! Я собрался пообедать. Не составите ли компанию? Знаете, хочется посидеть в приятном обществе, поболтать о том о сем.

Убедившись, что его финансовому состоянию опасность не угрожает и даже есть приятная возможность пообедать за счет этого чудака иностранца, Пищикова расцвел улыбкой.

Джон взял извозчика, и вскоре они уже входили в ресторан «Арс». Облюбовав в дальнем углу столик, англичанин заказал обильный обед.

За второй бутылкой беседа стала оживленнее. Затрагивались самые разнообразные темы. Вообще-то, говорил больше Пищикова. Джон лишь изредка вставлял слово-другое, поддакивал, не забывая наполнить стакан быстро хмелевшего репортера.

— Я совершенно сбился с ног, — жаловался Пищикова. — Просто не в силах всюду поспеть. Не буду утруждать вас перечислением преступлений. Хочу лишь спросить: почему мы с вами становимся ежедневно свидетелями этого кошмара? Понимаю: вам, иностранцу, нелегко ответить на мой вопрос. Поэтому я отвечу на него сам. Виноваты в этом Советы. Они разогнали полицейский аппарат, сыскное отделение и оказались на бобах. Да-с, на бобах. Преступников ловить некому. Своих шерлоков холмсов товарищи большевики не имеют. И, попомните мое слово, иметь не будут. А в дела, в которых ничего не смыслят, вмешиваются. Вы, надеюсь, слышали об ограблении патриаршей ризницы?

Джон неопределенно пожал плечами, стараясь скрыть охватившее его волнение. Сейчас он должен услышать то, ради чего повел в ресторан этого отпетого прохвоста.

— Воры украли там огромные ценности, и бывший начальник сыскного отделения господин Маршалк схватил их за руку. Но не тут-то было. Гражданский комиссар Рогов приказал освободить их. Видите ли, в факте ареста мужичков, ремонтировавших собор, он усмотрел нарушение законности! Как вам это нравится? Человек, простите, собаку съел в сыском деле, умница — и вдруг такая пощечина. И не я буду, если не отыграюсь на его недоброжелателях. Узнаю, из какой деревни реставраторы, и явлюсь к ним. Докопаюсь до самого корня. Вот конфуз-то комиссарам выйдет, когда в газете статью грохну. Мол, кто и почему покрывал грабителей? — И Пищикова пьяно захохотал.

Джон внимательно рассматривал этикетку на винной бутылке. Со стороны могло показаться, что его тяготит болтовня газетчика. На самом же деле он жадно ловил каждое слово собеседника, а в голове зрел план действий. Нет! Он не будет

ждать разоблачительной статьи репортера. Он постарается найти реставраторов сам.

Проснувшись утром следующего дня с головной болью, Пищиков долго и мучительно думал над тем, с какой тайной мыслью этот иностранец угощал его дорогим обедом. Но так ничего и не мог понять.

Поиск продолжается

Вечером 14 февраля президиум Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Москвы и Московской губернии вторично обсуждал вопрос о мерах по розыску похищенных сокровищ. Принятое по докладу члена Совета Малиновского постановление было обстоятельнее первого, о котором рассказывал утром гражданский комиссар Рогов. Московский Совет поручил Емельяну Ярославскому составить обращение ко всем гражданам Российской Республики с призывом оказать содействие в розыске и возврате национальных сокровищ. Было обещано вознаграждение до одного миллиона рублей. Решили послать всем Советам и некоторым другим организациям радиотелеграмму с предложением повести активный розыск, а также обратиться через Народного комиссара иностранных дел ко всем странам с сообщением о краже драгоценностей и с просьбой содействовать обнаружению и задержанию преступников в пограничных пунктах.

В постановлении Московского Совета отразилась подлинная забота народной власти о сохранности исторических реликвий. В частности, комиссии по охране памятников искусства и древности поручалось рассмотреть вопрос о наложении временного ареста на имущество антикваров и перекупщиков, если будет признано его художественно-историческое значение, и подготовить проект решения Совета Народных Комиссаров о национализации таких ценностей. Одновременно президиум Моссовета был вынужден записать пункт о привлечении к судебной ответственности лиц, виновных в искажении истины и тенденциозном освещении факта совершения и расследования кражи в Кремле.

Утром следующего дня сотрудники уголовно-розыскной милиции пришли на работу ни свет ни заря. Настроение у всех было неважное. Еще бы! Казалось, накрепко «зацепились» за две партии жемчуга — и на тебе, сорвалось. Хорошо, если отыщется на Урале та неизвестная женщина с родинкой над верхней губой. А может, она вовсе и не с Урала?

Но не только это было причиной плохого настроения. Когда узнали, что в Петрограде задержан человек, продавший ювелиру сапфир в двенадцать каратов, обрадовались: напали-таки на верный след. Уж больно церковная примета была на том камне — внутри обозначался крест. Немедленно связались по телефону с питерцами. Те ответили: случай такой действительно был, но к краже из патриаршей ризницы отношения не имеет. Необычный камень много лет назад привезен в Россию из Индии и стал собственностью великой княгини. Поскольку она была равнодушна к известному в то время актеру, сапфир оказался у него. Вскоре артист проигрался в карты и, чтобы покрыть долг, продал камень издателю одной петербургской газеты, который завещал его сыну. Тот не стал долго

любоваться изумительным произведением природы, а предпочел получить за него сорок тысяч наличными.

При иных обстоятельствах эта любопытная история, быть может, и была бы выслушана с интересом. Сейчас же ее восприняли с раздражением.

— Пожалуй, нам пора, — поднялся Нефедов. — Иван Егорович, наверное, уже у себя.

— Мне звонил Карл Гертович, и я по его просьбе подготовил вам вот этот список, — сказал Бояр. — Здесь всего восемь фамилий. Домашние адреса, связи. Обнаруженные на месте происшествия следы пальцев рук принадлежат доселе не известному нам человеку. Приходится допустить маловероятное — участие в краже какого-то новичка. Но в том, что там был кто-то из указанных в списке лиц, я нисколько не сомневаюсь. Если чем смогу быть полезен — всегда милости прошу.

После встречи с Бояром члены бригады занялись розыском тех, кто значился в списке. Далеко не всех удалось найти по их прежним адресам. Кто и куда выбыл — узнать было не так-то просто. Чаще всего при смене квартиры эти люди старались не распространяться о своем новом месте жительства. Те же, кто знал, не очень спешили поделиться своей осведомленностью с милицией. Приходилось устанавливать не только новые адреса выбывших. Изучали образ жизни каждого, выясняли, где человек был и что делал с конца января и до начала февраля этого года, не продавал ли драгоценностей. Добытые сведения уточнялись и перепроверялись.

Выполняя эту огромную работу, старались все же ежедневно бывать на рынках, в ювелирных магазинах и других местах, где можно было ожидать появления похищенного. Но время шло, а обнадеживающих сведений получить не удавалось.

— Не могли же они испариться, прихватив с собой награбленное! — горячился Ковалев.

— Спокойно, Саша, спокойно, братишка, — урезонивал его Орлов. — Испариться ни воры, ни сокровища не могли. Мы действуем методом исключения, как говорит Бояр. Половина людей из его списка уже отсеялась ввиду доказанности полной непричастности. Осталось всего четверо...

Да, список подозреваемых сокращался. Один выехал из Москвы куда-то в Сибирь еще в ноябре. Второй с середины января больше месяца провалялся в тифу. У третьего и четвертого тоже нашлось неопровержимое алиби.

— А что, если и с остальными получится так же? — не успокаивался Ковалев. — Что тогда?

— Тогда? — переспросил Нефедов. — Еще что-нибудь придумаем. Да и товарищи без дела не сидят. Не мы одни этим занимаемся... А пока что у нас запланирован выход на толкучку за Устьинским мостом.

Через несколько минут все трое уже держали путь туда. Именно здесь чаще всего уголовники сбывали награбленное.

Сюда же спешил и мистер Брэдли. Причиной этого явилась новая встреча с Пищиковым.

Не сумев раздобыть адреса работавших в Кремле мастеров-реставраторов,

Джон направился в редакцию газеты «Утро России».

Пищиков был на месте. И хотя они не виделись несколько дней, англичанину сразу же бросились в глаза происшедшие в газетчике перемены. Был он бледным, казался чем-то напуганным, отвечал невпопад. Но предложение Джона пойти вместе позавтракать принял. И на этот раз Брэдли не скупился на угощение.

— Дорогой Джон, только вы можете меня понять, — слезливо тянул выпивший Пищиков. — Я оказался на краю пропасти, и все из-за этой патриаршей ризницы, будь она трижды неладна!

Джон насторожился и поспешил наполнить вином бокал репортера. Тот выпил и уставился на англичанина помутневшими глазами.

— Может, вы думаете, что Семион Бравый пьян и поэтому мелет всякую чепуху? Ошибаетесь! Он трезв как стеклышко. И он знает, что там за ним, может быть, уже пришли из ЧК.

Брэдли стоило немало труда, чтобы в конце концов узнать причину душевного расстройства Пищикова. Оказалось, что за публикацию ложной информации привлекается к ответственности редактор газеты «Утро России» Гарвей. Естественно, что Семион Бравый как основной поставщик материалов о краже в Кремле ожидал, что такая же участь постигнет и его.

— Я подвергал осмеянию действия Советов по розыску сокровищ, — ныл Пищиков, — я умышленно замалчивал тот факт, что Моссовет назначил награду в миллион рублей тому, кто поможет найти преступников и украденные ценности. Что же со мною теперь будет, что будет?

Успокоив Пищикова, Джон постарался не только поддержать начатый разговор о краже из патриаршей ризницы, но и направить его в нужное русло. Ему не составило особого труда убедить газетчика в том, что обещанная награда — не что иное, как пропагандистский трюк. Пусть, мол, только представят похищенные сокровища — сразу познакомятся с ЧК! А ведь можно получить более чем приличное вознаграждение, причем в твердой иностранной валюте. И он, Брэдли, берется оказать в этом всяческую помощь. Надо только действовать, действовать быстро, но осторожно.

— Мистер Джон, я всегда к вашим услугам! — воскликнул Пищиков. Хмель быстро улетучивался у него из головы. Вскоре репортер был уже в состоянии дать англичанину несколько практических советов. — Уголовно-розыскная милиция не спускает глаз с ювелирных магазинов и мастерских, — говорил он. — Наиболее вероятно, что сбывать драгоценности будут на рынках, особенно на толкучке за Устьинским мостом. При всем своем желании чекисты не смогут уследить там за каждым. Постарайтесь бывать на толкучке ежедневно. Я познакомлю вас с нужными людьми.

В знак благодарности Джон вложил в руку Пищикова несколько ассигнаций. Репортер просиял. И снова заверил англичанина, что найдет людей, которые подскажут, как познакомиться с обладателями сокровищ ризницы.

Англичанин задумался: а как же с прежним утверждением репортера о том, что кражу совершили реставраторы? И Джон как бы между прочим намекнул на это Пищикову.

— Я был убежден в причастности мастеров к краже, — ответил репортер. —

Но вчера вечером за ужином в одной компании вынужден был отказаться от этой мысли. Компания состояла из людей, которые в разное время были героями моих репортажей с места происшествия и из тюремных камер. Они считают, что тем двум мастерам такая кража не по зубам. И я с ними полностью согласен.

Джон слушал, вежливо улыбался, а в душе ругал себя за потерянное время. Они расстались довольные друг другом. Джон поспешил на толкучку.

Людское море подхватило англичанина и понесло, как щепку. Со всех сторон на него обрушивались истошные выкрики продавцов, всячески расхваливающих свой товар. Но Джона не интересовал ни сахарин в кристаллах, ни кремни для зажигалок, ни множество других товаров, как правило, весьма сомнительного происхождения. Брэдли жадно всматривался в руки тех, кто предлагал свой товар чуть ли не шепотом, с оглядкой, из-под полы. Ему казалось: именно сегодня должно произойти то важное, что приблизит его к заветной цели.

Предчувствие не обмануло. Он увидел, как молодая женщина, распахнув на груди полушубок, показала пожилой монахине массивный крест и что-то сказала. Та лишь вздохнула и отошла. Видимо, названная сумма была ей не по карману.

Притиснувшись поближе к женщине, Джон заговорил, умышленно искажая слова:

— Мой коммерсант. Я покупайт старинный русский прэдмэт. Я видэл крэст.

— Продаю, — сказала женщина, давая иностранцу возможность взглянуть на украшенный искусной резьбой и драгоценными камнями деревянный черный крест. При этом она настороженно огляделась вокруг. Ничего подозрительного. Старик в покрытых заплатами валенках предлагает купить стеариновые свечи. Совсем рядом азартно торгуются матрос и молодой паренек, с виду гимназист. Матросу приглянулся бумажник, который держит в руках гимназист. Да в цене никак не сойдутся. Спорят, кричат, ударят по рукам и снова торгуются. Обычная для толкучки картина.

— Я собирайт коллекцию прэдмэт русски Крэмля, — сказал иностранец.

— Это тоже из Кремля. Можешь не сомневаться. Плати деньги. Триста, и ни копейки меньше.

— Мнэ нада многа-многа. Я покупайт оптом. — Джон широко развел руки в стороны, чтобы женщина лучше представила себе, сколько ему хотелось бы купить.

Да, ей приходилось слышать, что иностранцы скупают старинные изделия, драгоценности, причем хорошо платят. Как бы намереваясь поправить платок, женщина подняла правую руку. И сразу же рядом появился мужчина в надвинутой до бровей заячьей шапке. Женщина повернулась к нему, тихо сказала:

— Вот, хочет оптом забрать.

— Не подослан? — заколебался мужчина.

— Не похоже. По-нашему едва лопочет.

— Отойдем малость.

Взяв Джона под руку, женщина повела его к домам, где было не так многолюдно. За ней пошел мужчина в заячьей шапке. Матрос и гимназист, так, видно, ни до чего не договорившись, прекратили торг и тоже стали пробираться сквозь толпу.

— Только чтоб без дураков, — предупредил, остановившись, мужчина. — Покупаешь — покупай. А нет, так и голову не морочь.

— Покупайт, покупайт, все покупайт! — радостно улыбаясь, закивал англичанин.

Неподалеку, прислонившись к створке ворот и прикрывшись от ветра отворотом пальто, пытался скрутить козью ножку какой-то человек. Замерзшие пальцы плохо слушались, и он сердился. Не обращая на него внимания, трое продолжали разговаривать вполголоса.

Условились, что иностранец с задатком будет ждать в три часа дня у кинотеатра Ханжонкова на Триумфальной площади. Там к нему подойдут, и все вместе они отправятся посмотреть товар.

Брэдли сразу же заторопился, чтобы успеть к закрытию банка. Следом за ним ушли с толкучки мужчина с женщиной. Если бы они были повнимательнее, то, может быть, и заметили бы идущего следом матроса, который хотел приобрести бумажник. Что же касается владельца последнего, то он беззаботно вышагивал по другой стороне улицы, задерживаясь иногда у витрин магазинов. А еще дальше шел тот самый рабочий, которому так и не удалось скрутить козью ножку.

На 1-й Тверской-Ямской мужчина и женщина вошли во двор дома номер тринадцать. Через несколько секунд там появился и матрос. Убедившись, что двор не имеет второго выхода, он присел на корточки перед лепившей снежную бабу девочкой.

— Это твоя мама прошла? — спросил он.

Та посмотрела на него с нескрываемым превосходством.

— И вовсе не мама, а тетя Феня. Из десятой квартиры.

— Ух ты какая умница! — похвалил матрос и вышел на улицу, где его уже поджидали гимназист и рабочий.

— Это некая Феня из десятой квартиры, — сказал матрос. — Ты вот что, Саша, быстро в Знаменский. За ордером на обыск. Карлу Гертовичу доложи. А мы здесь с Иваном покараулим.

Нефедов и Орлов зашли в дворницкую, из окна которой хорошо просматривался двор. Поинтересовались, кто живет в десятой квартире.

— Непутевая одна, Фенька Морозова, — сказал дворник. — Был муж, да сбег от нее. Шляется по рынкам...

В тепле быстро прошло время. Вот на углу появился Ковалев с милиционерами. От них валил пар.

— Все в порядке. Вот только Розенталя не застал, куда-то выехал.

— Собирайся, Матвеич, — сказал Нефедов. — И жену зови. Понятыми будете. Обыск сейчас проведем у твоей жилички.

Во дворе столкнулись с подъехавшим на санях Розенталем.

— Только что узнал от дежурного, что вы здесь. Еще не начинали? — спросил комиссар и первым направился к десятой квартире.

В небольшой прокуренной комнате сидели за столом двое мужчин. Перед ними стояла початая бутылка водки, на тарелках лежали квашеная капуста, соленые огурцы, нарезанная большими кусками колбаса. Хозяйка была на кухне.

Сотрудников милиции здесь не ждали. При их появлении один из сидевших за

столом попытался было сунуть руку в карман, но его остановил окрик Нефедова:

— Руки на стол!

У неизвестных отобрали пистолет и охотничий нож.

— Ну, хозяйка, и воздух у вас здесь, хоть топор вешай, — сказал Розенталь, рассматривая паспорта Морозовой и ее гостей. — А документы-то поддельные...

Обыск продолжался недолго. В прилегающей к кухне кладовке Нефедов обнаружил несколько узлов с расшитыми золотом и серебром ризами. В узлах оказалось также много церковной утвари, драгоценных камней.

— Это все или еще где спрятано? — спросил Розенталь.

— Все, — ответила хозяйка. — Правду говорю.

Ковалева посадили за составление протокола обыска и описи изъятых вещей. Милиционера послали позвонить в отделение, чтобы прислали рózвальни.

— Передай, на себе не унести. Да и задержанных трое, — напутствовал его Нефедов.

А у кинотеатра Ханжонкова Брэдли всматривался чуть ли не в каждого прохожего, надеясь увидеть того, кто пообещал прийти сюда на свидание с ним.

Прождав более двух часов, Брэдли начал понимать, что не видать ему ни человека в заячьей шапке, ни женщины с черным крестом.

Снова осечка

Закончившийся день одарил друзей из уголовного розыска радостью успеха. Но дальнейшие события показали, что они снова попали на ложный след. Представители духовенства, осмотрев предъявленные для опознания вещи, лишь сокрушенно вздохнули:

— Сие есть не из патриаршей ризницы.

Это же подтвердили на допросе и задержанные. Они назвали церковь, которую недавно обокрали. Это соответствовало действительности.

— А вот деревянный крест из малого Николаевского дворца, — показали церковники.

— Значит, вы все-таки были в Кремле? — спросил Розенталь у арестованных.

— Были. Как только юнкеров оттуда вышибли, мы а заглянули. Ну, кой-чем попользовались...

Свою причастность к краже из патриаршей ризницы все трое категорически отрицали.

Снова потекли дни, наполненные кропотливой работой, но успеха они не приносили.

Как-то утром, когда вся бригада была в кабинете Розенталя, туда приехал гражданский комиссар Рогов. Расспрашивая сотрудников уголовного розыска о их житье-бытье, Михаил Иванович справился о здоровье жены и дочери Нефедова.

— Наверное, не каждый день отца видят? — сказал он.

— Не каждый, товарищ комиссар, — ответил Иван. — Да это еще полбеды, если бы дела шли как надо. А тут... — и он безнадежно махнул рукой. — Может, не способные мы, не за свое дело взялись? На фронт бы нам. Больше проку от нас там было бы.

Рогов пристально посмотрел на Нефедова, на остальных.

А Иван продолжал:

— Последняя надежда на список, составленный Бояром, — тоже не оправдалась. Правда, двое остались непроверенными — братья Полежаевы. Да как же их проверишь, если они из Москвы в неизвестном направлении отбыли? Вот и выходит, что бригада завела все дело в тупик.

Когда Нефедов замолчал и посмотрел на комиссара, тот заговорил не сразу. Он прошелся по кабинету и спокойно произнес:

— Это никуда не годится, что у вас такое настроение. Враг только того и ждет, чтобы в наших рядах возникла паника, появилось неверие в свои силы. Но мы обязаны развеять в прах его надежды на хотя бы малейший успех. То же самое должен сказать и о данном случае. Не вам рассказывать, какой вой подняли наши враги по поводу кражи в Кремле. Святые отцы, а вместе с ними и члены, как говорится, почившей в бозе Государственной думы шлют запрос за запросом, выражая свое недовольство действиями по розыску воров. Так что же, и мне прикажете караул кричать, на фронт проситься? А здесь разве не фронт? Знаю, трудно вам. Не хватает знаний, опыта. Но все это со временем придет. Зато есть у вас то, чего нет у многих наших старых специалистов сыска. Вы Лейста знаете? — вдруг спросил он.

— Еще бы! — воскликнул Ковалев. — Он ведет следствие по краже из ризницы.

— Точнее, вел следствие. Не далее как вчера мы были вынуждены арестовать его и двух других юристов — Гугеля и Подгайского. Эта компания пообещала некоей Вере Беридзе освободить ее брата, арестованного за спекуляцию золотом. Конечно, за взятку. 15 тысяч рублей она им вручила через адвоката Грина и столько же должна была принести после выхода брата на свободу.

— Ну и гады! — не сдержался Орлов. — Таких — только к стенке!

— Их будет судить трибунал, — сказал Рогов. — А теперь о ходе розыска. Так вы говорите, что не нашли братьев Полежаевых. А когда они выехали из Москвы?

— Точно установить не удалось, — ответил Орлов. — Где-то в феврале.

— В феврале, — повторил Рогов. — То есть уже после кражи.

— Скорее всего, так.

— Что это, случайное совпадение или бегство с целью отсидеться, переждать? Вот на какой вопрос мы с вами должны дать ответ. Я сейчас распорядюсь, чтобы срочно направили на места циркуляр о розыске этих Полежаевых. Вы же продолжайте поиск в Москве. И чтобы без паники. Понятно?

— Понятно, Михаил Иванович, — заулыбались друзья.

— И еще вот что, — Рогов в упор посмотрел на Нефедова. — Вам надо побывать у своих, деповских, Иван Кондратьевич. Железнодорожники на колесах полжизни проводят, всюду бывают. Глядишь, и заприметят где-нибудь Полежаевых. А?

— Верно, товарищ комиссар, — поднялся Нефедов. — Спасибо за науку.

— Благодарить меня не за что, — улыбнулся Рогов. — Ну, желаю вам успехов. Если что, заходите...

— А знаете что! — предложил вдруг Нефедов. — Давайте зайдем к Ивану

Егоровичу. Расскажем ему о наших делах.

Вскоре все трое сидели у Бояра, делясь своими неудачами.

— Так вы говорите, Дмитрия и Константина Полежаевых нет в Москве, — задумался Бояр. — Должен вам сказать, у меня на них больше всего подозрения. Но следы пальцев, следы! Вот в чем загвоздка. Они не принадлежат ни тому ни другому. Сейчас вы в этом убедитесь сами.

Вынув из картотеки две дактокарты, Бояр положил их на стол. Вдруг он вздрогнул, слегка отшатнулся. Затем схватил карты, быстро поднес их к глазам.

— Что за наваждение? — прошептал он. — Я же превосходно помню, что у Константина на двух или трех пальцах завитковые узоры. Причем на одном из них три дельты. А здесь, извольте, дуговые и петлявые. Неужели начинает подводить память?

Что-то бормоча, Бояр быстро направился в соседнюю комнату. Он вышел оттуда, неся в руках уголовное дело. На его лице отражались одновременно и радость, и недоумение.

— Нет, слава богу, память пока не сдает! — волнуясь, проговорил он. — Я же утверждал: у Константина завитковые узоры. Извольте взглянуть на дактилоскопическую карту вот в этом деле. Завитковые. Видите? Их внутренний рисунок имеет вид кругов, овалов, эллипсов, спиралей. А вот и три дельты. Но почему, почему в картотеке его дактокарта с другими узорами? А? Скажите мне на милость!

Бояр схватил фотоснимки следов пальцев, обнаруженных в патриаршей ризнице, положил их рядом с оттисками, взятыми из уголовного дела.

— О боже мой! — прошептал он. — Это же Константин, Константин Полежаев был в ризнице! Но что же произошло с дактокартой?

Ответить на этот вопрос мог лишь один человек — бывший агент уголовно-розыскной милиции Ксенафонов, который по поручению Маршалка производил сверку пальцев рук по дактилоскопической картотеке.

Сергей Ксенафонов после Октябрьской революции, взвесив все «за» и «против», заявил, что он давно осуждал в душе царское самодержавие, не во всем был согласен с политикой Временного буржуазного правительства и хочет послужить теперь власти трудового народа. Его оставили в уголовно-розыскной милиции как знающего свое дело специалиста.

Но Серж, как называли его между собой профессионалы-уголовники, продолжал поддерживать связи с главарями преступных шаяк, оказывал им различные услуги, и те не скупились на вознаграждение.

Сверяя в картотеке сфотографированные в патриаршей ризнице следы пальцев, Ксенафонов без труда убедился, что принадлежат они Константину Полежаеву. С месяц назад Серж вовремя предупредил его о готовящейся облаве, и тот сумел избежать ареста. Как память об этом случае у Ксенафопова появились золотые часы. Он не сомневался, что и теперь будет щедро вознагражден, если сумеет отвести от Полежаева опасность.

Ксенафонов выглянул в коридор. В это время из дежурной части вышел какой-то пожилой мужчина. Надев шапку, он направился было мимо Ксенафопова к выходу.

— Одну минуточку, — остановил его тот. — Зайдемте сюда. — И он посторонился, пропуская посетителя в свою комнату. — Вы по какому делу здесь были?

— Да по ошибке, товарищ начальник, как есть по ошибке, — снимая шапку, скороговоркой ответил тот. — Спасибо, товарищи ваши разобрались и с миром отпустили.

— Значит, отпустили. Это хорошо, — сказал Ксенафонтов. — Но надо будет еще одну формальность соблюсти. Для порядка. Это мы сейчас.

— Только уж явите такую милость, чтобы недолго! — взмолился тот. — Старуха, поди, совсем заждалась на вокзале.

— Нет, нет, это делается быстро. Моментально, — заверил Ксенафонтов, беря у посетителя отпечатки пальцев с обеих рук. — Вот и все.

Ксенафонтов быстро перенес фамилию, имя, отчество и другие данные с лежавшей перед ним дактилоскопической карты вора-рецидивиста на карту с только что взятыми им отпечатками пальцев случайного человека и поставил ее в картотеку. Теперь можно было звонить Маршалку.

— Докладывает Ксенафонтов, — проговорил он в трубку. — Полнейшая неудача, Карл Петрович. В нашей картотеке нет ничего похожего.

— Вот черт! — выругался Маршалк. — Неужели какой-нибудь варяг забрался?

Так он и доложил в тот вечер Рогову и Розенталю, что в дактилоскопической картотеке идентичных оттисков не оказалось.

А в это самое время Ксенафонтов спешил в Марьину рощу. Там у своей любовницы должен был находиться тот, чью дактилоскопическую карту он только-что подменил.

Не доезжая до нужного дома с полквартала, Ксенафонтов отпустил извозчика, а сам отправился пешком. Оглянувшись по сторонам и убедившись, что за ним никто не наблюдает, он шмыгнул в калитку и постучал в окно.

— Кто там? — послышался женский голос.

— Открывай. Это я, Серж.

Молодая высокая женщина была одна.

— Где Котька? — спросил Ксенафонтов, снимая пальто и присаживаясь к столу, на котором уже поблескивал графинчик, поставленный догадливой хозяйкой.

— А кто ж его знает, — ответила та, наливая в рюмку водку. — Откушайте на здоровье.

Ксенафонтов не заставил просить себя дважды. Опорожнив рюмку и прицеливаясь вилкой в маринованный опенок, он снова спросил:

— Когда будет?

— И этого не сказал. Но ночевать, наверное, придет. Дождетесь его или как?

— Некогда мне здесь рассиживать, — беря наполненную хозяйкой рюмку, — ответил Ксенафонтов. — Передай ему, что был. Велел, мол, рвать когти. На последнем деле наследил. Я кое-что сделал, но пусть лучше уедет от греха подальше.

— Передам, — вздохнула женщина. — Самой небось передачи носить неохота.

— На этот раз не передачками пахнет, — сказал Ксенафонов. — Сразу в расход пустят.

— О господи! — испугалась женщина. — Да что ж он такое натворил?

— Не все тебе знать, — поднялся Ксенафонов. — Напомни Котьке, за ним должок будет. Отдаст, когда снова в Москву приедет. Пусть пока не спешит.

Когда подлог обнаружили, Ксенафонтова в Москве уже не было — он скрылся.

Кто они, Полежаевы?

В конце января 1918 года в один из ялтинских пансионатов вошел молодой мужчина с небольшим чемоданчиком в руках.

— Коммерсант Попов, Виктор Анатольевич, — представился он хозяину. — Что-то нервы пошаливают. Врачи рекомендовали поездку к морю, уединение. Смогу ли я получить у вас отдельную комнату?

Хозяин окинул клиента оценивающим взглядом. Одет в дорогой костюм. На пальцах — золотое кольцо и перстень...

Через несколько минут гость уже располагался в отдельном номере с видом на море.

Сменив сорочку, коммерсант вышел на набережную. В небольшом ресторанчике, куда он завернул, посетителей было немного. За столиком в углу сидела молодая блондинка и рассеянно помешивала в стакане ложечкой. Попов подсел ж ней, представился. Вскоре они уже пили шампанское и весело болтали.

Новая знакомая Виктора Анатольевича оказалась местной жительницей.

Вечером они гуляли по набережной, а на следующий день Зиночка пригласила Виктора Анатольевича к себе. В небольшом уютном домике Крапивиных Попову понравилось все. Не могла скрыть своей радости и мать Зиночки: новый знакомый дочери — человек самостоятельный, при деньгах. Дай-то бог...

Теперь Попов бывал у Крапивиных ежедневно. И ни разу не пришел с пустыми руками.

До отъезда в Москву оставалось всего пять дней, когда, проснувшись утром, Попов решил проверить свою наличность. Выяснилось, что бумажник основательно отоцал и жить на широкую ногу уже не удастся. Поколебавшись какое-то мгновение, Попов взял бритву, надрезал отворот пиджака и достал завернутый в ватку камушек...

В тот же день в местную милицию зашел ювелир Ганс Мюллер. Разыскав нужного ему сотрудника, сказал:

— Это крупный бриллиант. Я уплатил за него немалую сумму. Он того стоит. Но я не забыл о вашей просьбе. Посмотрите на это чудо. Я купил его у московского коммерсанта Попова.

— Большое спасибо, Ганс Августович, — поблагодарил сотрудник милиции, рассматривая бриллиант. — Пошлем этот камушек нарочным в Москву. Что там скажут? Думаю, через недельку получим ответ. Вы сможете подождать?.. Вот и отлично. Пойдемте оформим сохранную расписку.

Ответ из Москвы пришел через восемь дней. Уголовно-розыскная милиция сообщала, что присланный бриллиант похищен из патриаршей ризницы, и

просила задержать продавца.

Ни в пансионате, ни у Крапивиных Виктора Анатольевича не оказалось. Перепуганная мать Зиночки могла сказать лишь то, что в последний момент Попов изменил свое намерение и уехал с ее дочерью не в Москву, а куда-то на Кавказ. Московского адреса своего будущего зятя она тоже не знала.

Местом пребывания братьев Полежаевых интересовались не только сотрудники уголовно-розыскной милиции. В подвыпившей компании завсегдаев трактира Кузнецова, что за Спасской заставой, Семион Бравый услышал разговор двух хорошо знакомых ему сбытчиков краденого.

— Митька мне сказывал, что мелочиться больше не хочет, — говорил своему соседу высокий плешивый старик в кумачовой рубахе и черной жилетке. — Мне бы, мол, такого найти, чтобы сразу все ему...

— Видать, большой куш взял, — высказал предположение его сосед, круглолицый толстяк.

— Я так прикидываю, — наклонился к нему плешивый, — не он ли с Котькой на колокольне побывал?

Уловив слово «колокольня» и предполагая, что речь идет о краже в Кремле, Пищиков придвинулся поближе к говорившим. Подозвал пологого, велел принести бутылку водки.

— Хочу выпить со старыми друзьями, — сказал он, обнимая скупщиков за плечи. — Давно не виделись.

Пораженные такой небывалой щедростью репортера, те растерянно смотрели, как он разливал по рюмкам водку.

— Иностранец один деньжат подкинул, — пояснил Пищиков. — Богатейший человек! Ешь, говорит, пей, сколько твоей душе угодно. Найди только человека, который согласился бы продать мне старинные изделия с драгоценными, камнями. Да разве где найдешь теперь такого продавца? — притворно вздохнул репортер и, выждав паузу, в упор посмотрел на собеседников: — Без вашей помощи...

Скупщики переглянулись: подслушал их разговор или, может, и на самом деле такую просьбу от иностранца имеет? Скорее всего последнее: когда это было, чтоб Пищиков деньгами швырялся? Не свои, значит...

А тот, велел принести еще бутылку, продолжал:

— Чудной малый этот иностранец. Ты, говорит, Семен Яковлевич, в обиде не будешь. И те, кто тебе поможет найти нужного человека, большие комиссионные получают.

Скупщики о чем-то пошептались. Принимая из рук газетчика рюмку, старик проговорил:

— Тебя мы, Семен Яковлевич, знаем, и плохого ты нам ничего не сделал. Ну и мы таиться от тебя не будем. Идет такой слух, что братаны Полежаевы к ризнице причастны.

— Повидать бы мне их, — сказал Пищиков.

— Мы бы тоже не отказались бы. Да нету их в Москве, — ответил плешивый.

— Экая досада! — огорчился репортер. — Не придется, значит, гульнуть на комиссионные.

— Насчет комиссионных не спеши, — нагнулся к нему плешивый. — Есть

один адресок. Митькин. — И он что-то шепнул Пищикову на ухо. — Только гляди, Семен, чтобы без обману...

Воров-рецидивистов Дмитрия и Константина Полежаевых репортер знал не один год. С ними приходилось встречаться и в тюремной камере, и вот так, запросто, в каком-нибудь питейном заведении, когда те гуляли после очередного «дела». Знал он не только двух братьев, но и всю семью. В дореволюционной Москве пользовалась она довольно шумной известностью. Глава семейства Прокофий Иванович и его супруга Дарья Алексеевна промышляли скупкой и перепродажей краденого. Их не раз арестовывали, а затем выслали из Москвы. Жили они в селе Богородском в собственном доме.

Четыре сына Полежаевых — Алексей, Дмитрий, Константин и Александр — пошли в родители. Пожалуй, не было в Москве ни одной крупной кражи, в которой они не принимали бы участия. Тюрма не страшила их. Они не задерживались подолгу за решеткой, всегда находили возможность для побега. Недавно при попытке к бегству был убит Александр. Однако его гибель не отрезвила остальных братьев. С одним из них — Дмитрием — и искал встречи Пищиков.

Дня за три-четыре до того самого вечера, когда репортеру удалось раздобыть нужный адрес, Иван Нефедов собрался навестить своих товарищей по депо. Те встретили его так радушно, что Ивану показалось, будто и не уходил он никуда из этой дружной рабочей семьи. Иван задумался.

— Да ты что, Иван, оглох или тебе в милиции такую должность дали, что с нами и разговаривать не хочешь?

— Паровоз свой вспомнил, — улыбнулся виновато Нефедов. — А должность у меня что ни есть рядовая: бандюг ловлю. Но что еще скажу вам: в милиции на любой должности трудно!

Рассказал Нефедов деповским о том, как по многу суток он и его товарищи не бывают дома, что в милиции людей — горстка, а разного мусора развелось — дальше некуда, что уже немало похоронили они работников уголовного розыска и постовых милиционеров. Не умолчал и о том, что больше месяца, как поручили ему с товарищами найти преступников, обворовавших патриаршую ризницу, а у них ничего не получается. Даже братьев Полежаевых разыскать не могут.

— Полежаевы, говоришь?.. — переспросил седоусый машинист, которого в депо называли уважительно дядей Федей. — Уж не Митькой или Котькой интересуешься?

— Ими, дядя Федя. А ты что, знаешь их?

— Еще бы не знать! В Богородском сколько лет-то живу. А там их каждая собака знает.

— Где же они теперь?

— Вот этого сказать тебе не могу. Только Митьку я с месяц или полтора назад видел. Гляжу, стоит на перроне в Краскове, пассажирского дожидается на Москву. Вот ты и смекай: чего ему зимой в Краскове делать? Сезон-то не дачный. Не иначе как на квартире там...

— Теперь я убежден, что мы на правильном пути, — сказал Розенталь, выслушав рассказ Нефедова о посещении депо. — Утром поступила телеграмма

из Саратова. Из текста можно понять, что речь идет о краже в Кремле. — Он посмотрел на часы: — Через час к нам прибудет помощник начальника Саратовской уголовно-розыскной милиции Свитнев. Он везет важные сведения. — И, помолчав, добавил: — Значит, Дмитрий в Краскове. Завтра утром выедем туда всей группой.

Благодарность в личное дело

Получив циркуляр о происшедшем в Кремле с перечнем похищенных ценностей и приметами неизвестной женщины, продавшей московскому коммерсанту жемчуг, помощник начальника Саратовской уголовно-розыскной милиции Иван Александрович Свитнев побывал во всех ювелирных магазинах города. Предупредил их владельцев о необходимости немедленно информировать его о каждом факте появления продавцов драгоценностей. Установил дежурство своих сотрудников на рынке, в гостиницах, кафе, ресторанах.

Потом пришел из Москвы еще один циркуляр о розыске Константина и Дмитрия Полежаевых. К нему прилагались фотокарточки подозреваемых.

Иван Александрович был одним из тех немногих работников сыска, которые начали свою службу еще до революции, но сразу же после Октября заявили о своем желании трудиться в милиции. Молодой, энергичный, он отдавал все свои силы, опыт и знания народной власти. В его личном деле становилось тесно от различных поощрений за отличную службу. Вот и сейчас он с присущей ему энергией взялся за розыск опасных преступников.

Находясь со специальным заданием в ресторане «Товарищество», один из его сотрудников обратил внимание на мужчину и женщину, предлагавших посетителям золото в слитках. Он позвонил Свитневу. Тот немедленно прибыл с группой работников. Мужчину, назвавшегося Болдыревым, и женщину — Мизинову — задержали. На квартирах у них произвели обыск и нашли еще около двух фунтов золота в слитках.

— Не наше оно. Мы только комиссионеры. Самарин дал, чтоб продали.

— Кто он? Где живет?

— На рынке с ним повстречались, — твердили арестованные. — У нас бывал, скрывать не станем. Но где живет, не сказал. Да мы и не допытывались. А комиссионные платил хорошо...

Немного потребовалось времени, чтобы словоохотливые соседки Мизиновой рассказали работнику милиции, что эта смуглая женщина с небольшой родинкой над верхней губой слева в феврале уезжала на полмесяца в Москву. Вернулась не одна, с каким-то мужчиной.

Значит, Мизинова и есть та самая женщина, которая продала в Москве жемчуг. Не исключено, что мужчина, прибывший с ней в Саратов, может быть Самариным. Узнав об аресте Мизиновой, он конечно же постарается скрыться. Медлить нельзя. Самарин... Самарин... Где же встречалась эта фамилия?

Иван Александрович спустился в архив и принялся листать одно дело за другим. Ага, вот и нужные сведения! Несколько лет назад в Саратов приезжал Константин Полежаев и жил здесь под фамилией Самарин. Не он ли снова

пожаловал в город?

К утру следующего дня адрес Самарина был установлен. Жил он на Рождественской улице, в доме номер 6. Туда и направилась группа Свитнева.

— Самарин, — представился хозяин квартиры, подавая паспорт.

— Пусть будет Самарин, — сказал Свитнев. — Начинайте, товарищи.

Искали долго, старательно. И — никаких драгоценностей! Где же они? Запрятаны в надежном месте?

К Свитневу подошел инспектор Борноволоков, тихо сказал:

— Иван Александрович, по-чудному как-то хозяин ремонт сделал: потолок закопчен, краска с полов и окон облезла, а обои на стенах новые.

— Я тоже об этом подумал. Тщательно простучите стены.

В одном месте стена отозвалась гулом. Решили снять обои. Хозяин запротестовал:

— Печка там была ненужная. Вот и решили заклеить. С таким трудом обои добыл, а вы рвать хотите.

— Мы аккуратно все сделаем, — пообещал Свитнев.

Под обоями оказалась заштукатуренная голландская печь.

— Я же вам говорил, печка там, а вы... — упрекнул хозяин.

— Разбирайте, — приказал Свитнев.

Старые обожженные кирпичи, сажа. И ничего больше, И вдруг — свежая кладка. Тайник! Да какой! Вскоре перед изумленными взорами понятых на столе выросла горка жемчуга. Рядом лежали бриллианты, слитки золота, украшенные драгоценными камнями золотые кольца, серьги, нательные кресты, цепи, броши, браслеты.

— Собирайтесь, Самарин. То есть Константин Полежаев, — сказал Свитнев. — Вы арестованы.

На допросе Константин сначала запирался. Но слишком вески были изобличающие его улики. И он вынужден был дать показания.

В конце прошлого года будто бы случайно Полежаев зашел в Кремлевский двор. Увидел, что какие-то люди входят в колокольню Ивана Великого. Поднялся с ними на третий этаж. Тут-то и увидел золото и другие драгоценности. Сразу прикинул, как сподручнее ограбить ризницу.

Припас веревку, брезент, мешки, кое-какой инструмент. Ночью по водосточной трубе и выступам в стене; добрался до окна, привязался и стал пилить решетку. Однако за ней оказались ставни, обитые железом.

На следующую ночь принес брусья и с их помощью взломал ставни. Потом наиболее ценное складывал в брезент и сбрасывал вниз. Там перекидывал в мешки, которые прятал в Кремлевской стене за памятником Александру II. В последнюю ночь нашел неподалеку лестницу. Поднял мешки на стену, сбросил на набережную. Тут, ломовой извозчик подвернулся...

— Когда вы совершили эту кражу? — спросил Свитнев.

— В конце января.

— Вы сказали, что все время работали в перчатках. Но на сплюснутой вазе, найденной на месте происшествия, оказались следы ваших пальцев. Объясните, как это получилось?

— Ваза не лезла в мешок. Ну я ее и сдал. А палец прищемил. Думал, до крови. Вот перчатки и снял, чтобы поглядеть. Присмотрелся к вазе, а она не из золота. Я ее в угол и кинул со зла голыми руками. Потом мне передали, что ваш Ксенафонтов постарался мои следы скрыть. Да, видно, плохо старался.

— А кто еще участвовал вместе с вами в краже?

— Я один управился.

— Но у вас обнаружена лишь часть похищенных ценностей. Где остальные?

— Распродал.

— В ризнице нашли солдатский погон. Кому он принадлежит?

— Не знаю. Я поднял его на улице и машинально сунул в карман. А потом оставил в колокольне, чтобы сбить милицию с толку.

— Понятно. И все же, Полежаев, вы не один грабили патриаршую ризницу, — сказал Свитнев. — У нас есть доказательства, подтверждающие это.

— Я все сделал один, — набычившись, упрямо повторил Полежаев. — Больше от меня ничего не добьетесь.

Его увели. А утром следующего дня дежурный надзиратель доложил, что арестованный Полежаев покончил в тюремной камере жизнь самоубийством.

В тот же день Иван Александрович Свитнев выехал в Москву с материалами следствия.

Группа сотрудников Московской уголовно-розыскной милиции прибыла в Красково на рассвете. С ними был и Свитнев. Посовещавшись, разошлись по улицам в разные стороны. Расспрашивали местных жителей: не поселился ли кто здесь в последние месяцы?

Выслушав Орлова, якобы прибывшего из Питера к своему закадычному другу, одна из женщин сказала:

— Не у Жбанкова ли дом в аренду он взял? В январе туда въехал. Попов его фамилия. А хозяин к дочери перешел. Вон их домик будет с палисадником.

Жбанков оказался дома. Он охотно описал приметы своего квартиранта и был очень доволен, когда Орлов подтвердил, что это и есть его закадычный другок.

— Только нету твоего приятеля, уехал. Заявится не раньше как дня через два-три.

Вторично Орлов пришел к Жбанкову вместе с остальными сотрудниками розыска.

— Это что же, все моего квартиранта знакомыми будете? — недоверчиво покосился хозяин.

— Все, — ответил Орлов, предъявив удостоверение работника милиции. — Давно желаем встретиться с ним.

Вместе с хозяином и его дочерью направились к дому, который арендовал Попов.

— О том, кто мы и зачем здесь, никто не должен знать, — предупредил Жбанковых Нефедов.

Вскоре уже составляли опись обнаруженных при обыске драгоценностей из патриаршей ризницы. Нашли их в доме, надворных постройках, в куче мусора.

В ожидании минули сутки, вторые. Как раз на исходе их оказался Семен

Пищиков в трактире Кузнецова, где и узнал от скупщиков краденого, что Дмитрий Полежаев живет в Краскове. Не чувствуя под собой ног от радости, он помчался к мистеру Брэдли. При появлении возбужденного репортера тот воскликнул:

— Что случилось, господин Пищиков?!

Не отдышавшись от быстрой ходьбы, Пищиков с трудом выдавил:

— Нашел! Я нашел!

Смакуя каждую деталь, репортер принялся во всех подробностях рассказывать о том, как узнал, где искать Дмитрия... В конце концов было решено, что оба будут ходить по улицам Краскова, встречать на платформе прибывающие поезда. Расспрашивать местных жителей сочли нецелесообразным: можно навлечь на себя подозрение и, чего доброго, угодить в ЧК. Да и Дмитрий не такой профан, чтобы жить под своей фамилией.

Брэдли возбужденно заходил по комнате. Уж он-то сумеет договориться с этим Дмитрием. Скорее бы прошла ночь и наступило завтра!

В Красково они уехали утренним поездом. На платформе сразу же отошли в сторонку, чтобы лучше рассмотреть выходящих из вагонов пассажиров.

— Господи, Дмитрий! — воскликнул Пищиков, увидев элегантного человека с чемоданчиком в руке. Рядом с ним, весело болтая, шла высокая блондинка.

Пищиков бросился навстречу этой паре, Джон ринулся за ним. Остался какой-то десяток шагов. Вдруг на пути Дмитрия выросла плечистая фигура рабочего-железнодорожника.

— Здорово, Дмитрий! С приездом тебя!

Полежаев от неожиданности растерялся, подал незнакомцу руку, и сразу почувствовал, что тот сжал ее, как клещами. Силенки Ивану Нефедову было не занимать.

Дмитрий оглянулся. По бокам — еще двое. Третий взял под руку Зиночку. Никто и глазом не успел моргнуть, как приезжие оказались в комнате дежурного по станции.

— ЧК! — прошептал побледневшими губами репортер.

Англичанин и сам догадался, что за люди встретили Дмитрия. Не в силах сдержать начавшейся во всем теле противной дрожи, Брэдли посмотрел отсутствующим взглядом вдаль, на сходящиеся где-то у горизонта стальные рельсы. Они звали его...

Полежаева допрашивали в 3-м Знаменском. Убедившись, что работники милиции знают, кто он такой, Дмитрий ничего не отрицая, подробно рассказал, как вместе с братом Константином забрались в ризницу, как и где делили драгоценности.

— Жалею об одном, — признался грабитель, — что не довелось этим добром попользоваться. Быстро нас повязали...

* * *

11 марта 1918 года из Петрограда в Москву переехало Советское правительство во главе с Владимиром Ильичем Лениным. Еще раньше управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич принял самые действенные

меры к сохранению ценностей, находящихся в Кремле. Все они были перенесены в Оружейную палату под надежную охрану. А вскоре Бонч-Бруевич сообщил Владимиру Ильичу, что похищенные сокровища патриаршей ризницы разысканы и что в этом деле особенно отличился работник милиции Свитнев. Ленин поручил передать Свитневу благодарность от имени Советского правительства. Благодарность Ильича была внесена в послужной список Ивана Александровича.

В дальнейшем И. А. Свитнев возглавлял Саратовский губернский уголовный розыск, служил в московской милиции.

Гражданский комиссар Москвы М. И. Рогов работал впоследствии в Моссовете, был заместителем Наркома финансов СССР, потом председателем Госплана РСФСР и председателем бюджетной комиссии ВЦИК.

По-разному сложилась судьба остальных участников раскрытия преступления: одни отдали свою жизнь за молодую Советскую республику на фронтах гражданской войны, другие еще не один год трудились на поприще криминалистики.

Что касается К. П. Маршалка, то он в мае 1918 года попросил освободить его от должности начальника уголовно-розыскной милиции, уехал в Петроград, откуда бежал за границу.

...В Кремле, возле Боровицкой башни, возвышается Оружейная палата — хранилище национальных драгоценностей и исторических реликвий. И среди множества сокровищ сверкают бриллианты, изумруды, сапфиры, возвращенные нашему народу его милицией в том далеком и таком близком